

ДИСЦИПЛИНА

Пьеса написана в 2021 году на фабрике нарративного театра «Дисциплина» (организаторы: театр «Старый дом» (Новосибирск), театр «Практика» (Москва), «Чехов-центр» (Южно-Сахалинск) и Калининградский областной драматический театр).

Пожалуйста, указывайте эту информацию во всех рекламных материалах, связанных с использованием этого текста — например, в анонсах, программках и пресс-релизах.

Сююмбике Давлет-Кильдеева

ТРУ КРАЙМ

(пьеса в двух действиях)

ЛИЗА, жена Петра, 30 лет, ведущая подкаста

ПЁТР, муж Лизы, 35 лет, руководитель отдела производства контента

АЛЁНА, мать Лизы, 57 лет, художница

ЛИЛИЯ, следователь, 38 лет

ВАДИМ, журналист, соведущий подкаста, 30 лет

ПРИЗРАК ПЕТРА, 35 лет

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА, 70 лет

Действие первое

Сцена первая

Модно обставленная московская квартира. Большая студия в стиле лофт. Настолько огромная, что в ней спокойно помещается стол для настольного тенниса и занимает лишь небольшую часть пространства. У двери стоят три чемодана Луи Виттон. Сверху на одном из них — женская сумка. На стене висит работа современного художника Павла Пепперштейна, черно-белая тиражная графика. На переднем плане мужчина, похожий на гангстера, указывает пальцем в того, кто смотрит на картину, слева написано “KILL THIS GUY NOW / УБЕЙ ЭТОГО ПАРНЯ СЕЙЧАС”. Лиза стоит перед работой.

ЛИЗА. Нет уж, Пепперштейна я всё-таки с собой заберу, он мой, его сейчас, наверное, тысяч за сто продать можно. Ладно, одна минута снять, успею.

Лиза уходит, возвращается с тубусом в руках, снимает картину со стены, достает из подрамника и сворачивает. Звонит телефон. Лиза ставит телефон рядом, включает видеосвязь и продолжает сворачивать лист.

ЛИЗА. Mam, срочное что-то? Можем вечером? Тороплюсь.

АЛЁНА. Я ненадолго.

ЛИЗА. Ну давай, только быстро.

АЛЁНА. А что у тебя с волосами?

Лиза машинально поправляет волосы

ЛИЗА. А что у меня с волосами?

АЛЁНА. Странно лежат как-то.

ЛИЗА. Mam, всё нормально у меня с волосами, ты для этого позвонила?

АЛЁНА. Нет, конечно, я напомнить о перформансе.

ЛИЗА. О каком перформансе?

АЛЁНА. Смерть бога.

ЛИЗА. Господи, это что?

АЛЁНА. Это мой перформанс сегодня ночью. Приходи обязательно.

ЛИЗА. А что ты будешь там делать?

АЛЁНА. Приедешь и увидишь. Если коротко, буду распиливать дерево. Но это такая метафора. Райский сад, ну, это сложно за минуту объяснить.

ЛИЗА. Боже. Ну я постараюсь, но не обещаю. Сложный день.

АЛЁНА. А что случилось?

Лиза уже свернула работу и держит ее в руке.

ЛИЗА. Да ничего, мам, потом расскажу, некогда.

АЛЁНА. Слушай, я, кстати, во Вкусвилле, тебе взять пакеты?

ЛИЗА. Какие пакеты?

АЛЁНА. Для хранения. На замочке. Я шашлык недавно маринованный по этим пакетам фасовала, удобные очень. И не пахнет! У меня стухло мясо, а запаха вообще не ...

ЛИЗА. Mam, блин, говорю же, тороплюсь! Не надо пакетов, всё, пока!

Лиза нажимает на экран, чтобы закончить звонок. Раздается звук открывающейся двери.

ЛИЗА (тихо). Блядь.

Заходит Петр. У него в руках огромный букет цветов. Пауза.

ЛИЗА. Это что, Петь?

ПЕТР. И тебе привет, Лиза. Это извинения.

Петр смотрит на чемоданы.

ПЕТР. А это что, Лиз?

ЛИЗА. А это иди в жопу со своими извинениями, Петь.

ПЕТР. Грубовато.

ЛИЗА. Я говорила, еще раз ты меня ударишь, я уйду. Вот, я уйду. Простая причинно-следственная связь.

Лиза надевает пальто, берет свернутого Пепперштейна подмышку, поднимает чемоданы, и идет к двери.

ЛИЗА. Петь, отойди, пожалуйста.

ПЕТР. Ты не уйдешь никуда, Лиз.

ЛИЗА. Уйду.

Петр стоит в дверях.

ПЕТР. А ты знаешь почему пионы называются пионами?

ЛИЗА. Не знаю, Петя, мне всё равно.

Петр спокойно кладет букет на тумбочку.

ПЕТР. В честь греческого бога Пеана, который мог излечить от смертельных ран.

Петр снимает пиджак, аккуратно вешает его на плечики. Расстегивает пуговицы на рукавах рубашки, медленно подворачивает рукава.

ПЕТР. Пеан даже вылечил Аида, когда его смертельно ранил Геракл.

Петр со всей силы бьет Лизу в живот. Лиза падает на пол. Свернутый Пепперштейн отлетает в угол.

ПЕТР. Лиза, а знаешь, кто такой Аид?

Лиза лежит. Петр бьет Лизу ногой в ботинке.

ПЕТР. Аид, Лиза, это Бог царства мёртвых. Стыдно этого не знать, это школьная программа.

Бьет еще раз.

ПЕТР. А Геракл, Лиза, это сын Зевса. Но это уже совсем для тупых.

Петр берет букет и кидает его в Лизу.

ПЕТР. Цветы в воду поставь. Жалко будет, если завянут.

Пауза. Лиза лежит на полу и плачет. Петр протирает ботинки влажной салфеткой, снимает, аккуратно убирает в шкаф.

ПЕТР. Что лежим? Отдыхаем?

Подходит к Лизе, поднимает, ставит на ноги, начинает рукой вытирать слезы. Улыбается и дает пощечину.

ПЕТР. Цветы, говорю, поставь.

Лиза поднимает букет, отходит к барной стойке. Достает большую красивую вазу, снимает с цветов упаковку, начинает обрезать стебли.

ПЕТР. И куда ты собралась вообще? К матери своей сумасшедшей обратно? Она мне звонила, звала на смерть бога, господи прости. Я не поеду никуда, я от “Красоты разложения восемь” еще не отошел, когда она гнилую рыбу в пакетах развешивала на стенах. Я чуть не проблевался тогда от запаха.

Лиза ставит обрезанные цветы в вазу. Продолжает плакать.

ПЕТР. Лиз, ну ты чего молчишь? Надулась? Слушай, ну ты должна понимать, что я же так только потому что тебя люблю. Забочусь. Ты же без меня не сможешь. Не выживешь просто. Чемоданы собрала. Ты на эти чемоданы сама что-ли заработала? Ты за десять лет на них не заработаешь! И что у тебя, кстати, с волосами?

Петр подходит к Лизе, поднимает руку, чтобы поправить ей прядь волос, Лиза пугается, хватает нож и бьет им Петра в живот. Он медленно сползает по барной стойке. Лиза смотрит на нож, на Петра. Нож падает из ее рук. Она медленно сползает по барной стойке рядом с ним и плачет.

Сцена вторая

Ночь. Огромный заброшенный ангар. Подготовка к перформансу. Вдоль стены — ряд огнетушителей. По кругу расставлены металлические бочки, из которых

горит огонь. Лиза ходит по кругу, подливая в огонь жидкость, от которой пламя вспыхивает ещё сильнее. В центре круга стоят три больших чемодана Луи Виттон. Вадим и Алёна стоят перед камерой. На них петличные микрофоны. Играет техно, Gesaffelstein.

ВАДИМ. Итак, друзья, сегодня мы с вами свидетели уникального перформанса “Смерть бога” художницы Алёны Тэд. Я Вадим Баранов, специальный стрим для ютуб-канала ART NEWS. Привет, Алена.

АЛЕНА. Привет-привет!

ВАДИМ. Для тех, кто почему-то впервые слышит это имя, напоминаем, что Алена — ярчайший представитель советского андеграунда в прошлом, а сегодня известный на весь мир перфомансист.

АЛЕНА. Я предпочитаю перфомансистка.

ВАДИМ. Да, конечно, сори, май бэд. Поистине великая биография — чтобы достать материал для своих первых акций «Красота разложения один» и «Красота разложения два» Алена специально устраивалась работать в морге. После ее даже судили и принудительно лечили в психиатрической больнице за использование настоящих человеческих органов в акциях, но карательная психиатрия в прошлом, а популярность — навсегда. Сегодня за шокирующие провокации Алёну знают и ценят во всем мире. Алёна, что делаем сегодня? Убиваем бога?

Лиза уходит и возвращается с канистрами. Снова уходит и приносит три факела.

АЛЕНА. В каком-то смысле.

ВАДИМ. А бог где? В одном из чемоданов?

АЛЕНА. Вадим, милый, не так буквально. Честно говоря, в последний момент всё изменилось. И у нас теперь не смерть бога, а смерть капитализма. По

сути одно и то же. Бог умер так давно, что смешно об этом говорить. А я пока болтаю, мы начинаем уже. Лизавета, поливай!

Лиза начинает поливать чемоданы бензином из канистры.

ВАДИМ. Ребята, перформанс начался! Не забываем ставить лайки, отправлять наш стрим друзьям и подписываться на канал. У нас смерть капитализма в прямом эфире. Современное искусство! Ну что, Алёна, в этот раз без человеческих трупов?

АЛЕНА. Ну, ты же знаешь, что в своих работах я уже давно использую только мясо рыб и животных. И только тех, которые умерли своей смертью. Вадим, ты тоже бери факел.

Вадим и Алёна берут факелы в руки. Подходит Лиза и поджигает тряпки, намотанные на них.

ВАДИМ. То есть, мясо всё же есть?

АЛЕНА. Да, оно в чемоданах.

ВАДИМ. Какое?

АЛЕНА. Свинина. Баранины в Москве хорошей не найти. Только если у мечети. Это мясо, расфасованное по пластиковым пакетам из Вкусвилла. Знаешь такие? Очень удобные. С замочком. Лежит оно в чемоданах Луи Виттон.

ВАДИМ. Чемоданы настоящие? Не паль?

АЛЕНА. Не что?

ВАДИМ. Не подделка?

АЛЕНА. Нет, это настоящие чемоданы моей дочери Лизы. В этом и смысл. Лиз, сколько они стоят?

ЛИЗА. Ну все вместе тысяч шестьсот.

ВАДИМ. Вау! Лиза, не жалко?

АЛЁНА. Нет, ей не жалко. Ну всё, поджигаем! Пли!

Вадим, Алёна и Лиза поджигают чемоданы с разных сторон.

ВАДИМ. Ребята, у нас в прямом эфире горят шестьсот тысяч рублей.

Полыхают. Синим пламенем! Алёна, браво! Тонко!

АЛЕНА. Спасибо.

ВАДИМ. Расскажите, что хотели сказать?

АЛЕНА. Нет. Я творю. Интерпретируют пусть другие.

ВАДИМ. Мы заживо гнием в своих дорогих чемоданах! В коробках, за которые платим бешеные деньги! Хороним себя в ипотеках! Запираем свою жизнь в пластиковый пакет! Который загрязняет мировой океан!

АЛЕНА. Ну типа того.

ВАДИМ. Огонь! Пушка!

Алена кладет факел и подходит чуть ближе к камере. Начинает экстатично танцевать. Лиза и Вадим уходят за камеру, снимают и выключают микрофоны. Вадим смотрит в телефон.

ВАДИМ. Кайф, десять тысяч человек смотрит. В комментариях трэш. Утром будет во всех инстаграмах.

ЛИЗА. Кайф, да.

ВАДИМ. Ты как сама? Устала? Что-то тебя не прет от перформанса. Класс же.

ЛИЗА. Да живот болит. И волнуюсь немного, Петя домой не пришел сегодня, не звонит, не отвечает.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Ах ты, лживая тварь.

Призрак Петра стоит, прислонившись к стене. Его лицо темно, как будто в саже.

ЛИЗА. Что?

ВАДИМ. Что-что? Я молчу. Живот болит — сходи к врачу. Из-за Пети не переживай, задержался где-то. Может, на работе завис.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Ага. Завис. Сгорел на ней практически.

Лиза протирает глаза руками.

ЛИЗА. Мне надо отдохнуть.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Да, Лиза. Ты только что зарезала своего мужа, твоя сумасшедшая мать расчленила тело, и вы сожгли его в прямом эфире. Любой бы на твоём месте вымотался.

ВАДИМ. Да, присядь где-нибудь. Ты бледная как смерть. Ладно, я обратно в кадр, убивать капитализм. Мать у тебя, все-таки, огонь.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Да, Вадик. Не тёща, а мечта.

Сцена третья

Отделение полиции, ОВД “Якиманка”. Кабинет следователя. Несколько столов, тесно. На стене висит портрет Владимира Путина. За столом сидит следователь Лилия Георгиевна. Перед ней на стуле — пожилая женщина.

ЛИЛИЯ. Так, я не поняла ничего. Еще раз. Вы вызвали сыну проститку?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да. Ну, вы поймите, он одинокий, программист, но он ведь все равно мужчина. У него потребности.

ЛИЛИЯ. Это я поняла. А как вы ее нашли?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. На сайте интернета.

ЛИЛИЯ. Ага. Как с ней связались?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. По вотсап. Она мне выставила фотографии свои, я говорю, хорошо, она пишет переведите десять тысяч на сбербанк. Я со своей карточки отправила деньги, а она не пришла к Виталию. И удалила меня там в вотсапе. Блок на меня поставила.

ЛИЛИЯ. К Виталию не пришла.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Не пришла.

ЛИЛИЯ. А от полиции вы чего хотите?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Так она же воровка! Найдите ее, она пенсию мою украла.

ЛИЛИЯ. Так, господа. Нет, я вас сейчас расстрою, но вы ей деньги сами перевели. Она не украла ничего.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Как?

ЛИЛИЯ. Ну вот так. Вы добровольно перевели ей деньги со своей карты. С точки зрения закона это не воровство.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Тогда мошенничество! Она взяла деньги, а услуги не оказала.

ЛИЛИЯ. Господа, ладно, берите бумагу, садитесь за тот стол, пишите заявление.

Женщина берет бумагу и пересаживается за другой стол. Лиля выходит в коридор, возвращается с Лизой. Они садятся. Лиза дает Лиле заявление.

ЛИЛИЯ. Вы с заявлением о пропаже? Сколько времени прошло?

ЛИЗА. Сутки.

ЛИЛИЯ. Ну маловато. Кто пропал? Ребёнок? Муж?

ЛИЗА. Муж.

Лиля начинает вносить данные в компьютер.

ЛИЛИЯ. Ваши фамилия, имя, отчество, пожалуйста.

ЛИЗА. Елизавета Хосеевна Тэд.

ЛИЛИЯ. Хосеевна? У вас отец испанец?

ЛИЗА. Кубинец. Я его ни разу в жизни не видела.

ЛИЛИЯ. Ясно. Фамилию по буквам назовите.

ЛИЗА. Тимофей. Эдуард, Дмитрий.

ЛИЛИЯ. Это что за фамилия? Молдавская?

ЛИЗА. Почему молдавская? Это мамина. Она художница. Это ее псевдоним был, а потом она и в документах поменяла.

ЛИЛИЯ. Сочувствую. А лет вам сколько полных?

ЛИЗА. Мне тридцать.

ЛИЛИЯ. А вы моложе выглядите.

ЛИЗА. Спасибо. А можно я айкос закурю?

ЛИЛИЯ. Конечно же, нет, Елизавета Хосеевна. Вы в отделении полиции или где? Кем работаете?

ЛИЗА. Я подкастерка.

Пауза.

ЛИЗА. Ну я ведущая подкаста. Ведущая радиопередачи, короче.

ЛИЛИЯ. Так подкаст или радиопередача?

ЛИЗА. Подкаст. Да, подкаст. Мы с другом его делаем вместе. Извините, просто не все понимают, поэтому я иногда так говорю, про радио, чтобы понятнее было.

ЛИЛИЯ. Ну, я тоже не только “Милицейскую волну” слушаю. У нас сегодня до вас тиктолог был, это такой специалист по тиктоку. Так что подкастер...
(пауза) ...кой вы меня уже не удивите. Интересно, где, кстати, учатся на тиктологов? В университете тиктологии? Вот вы где учились?

ЛИЗА. Журфак. Политическая журналистика.

ЛИЛИЯ (смотрит на портрет Путина). Перспективная профессия. Наши коллеги из второй службы ваших сейчас пачками принимают. Закон новый об инагентах вышел, знаете такой?

ЛИЗА. Да, в курсе. На моего друга, с которым мы подкаст делаем, уголовное дело завели за твит.

ЛИЛИЯ. За что?

ЛИЗА. За пост в твитере.

ЛИЛИЯ. А. И что там было?

ЛИЗА. Шутка, оскорбляющая власть.

ЛИЛИЯ. Это он зря, конечно. Сегодня кого угодно можно признать врагом народа. Клянусь. Закон новый так написан, что мы при желании даже эту

жертву коварного обмана (*глазами показывает на пожилую женщину*) можем сейчас с вами признать иностранным агентом.

Пожилая женщина подходит к Лиле и отдает заявление. Смотрит на Лизу.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А вы не замужем?

ЛИЛИЯ. Женщина, уймитесь ради бога. Вашему Виталию здесь ничего не обломится.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Но вы со мной свяжетесь?

ЛИЛИЯ. Обязательно. До свидания. Всего доброго.

Пожилая женщина уходит. Лилия выкидывает ее заявление в мусорное ведро.

ЛИЛИЯ. О чем подкаст ваш? Слушать нечего, давайте хоть вас послушаю.

ЛИЗА. Тру крайм. Мы рассказываем об известных преступлениях. Самых интересных. Легендарные маньяки, загадочные убийства, невероятные ограбления.

ЛИЛИЯ. О, об интересных это правильно. А то у нас тут то проститутки разводят на деньги, то у тиктолога кроссовки украли. Ладно. Давайте к мужу вашему вернемся. ФИО.

ЛИЗА. Петр Викторович Кулешов, 1986 года рождения.

ЛИЛИЯ. Кем работает?

ЛИЗА. В деливери клуб.

ЛИЛИЯ. Курьером?

ЛИЗА. Нет. Начальник отдела производства контента.

ЛИЛИЯ. Ну, естественно. Заводы стоят, работать некому, все производят контент.

Лилия вводит данные. Смотрит на экран. Пауза.

ЛИЛИЯ. Так. Ну, здравствуйте. Я смотрю у вас вызовы были. И не один. Ооо, мой хороший. Бьет вас Петр Викторович, Елизавета Хосеевна?

Лиза молчит.

ЛИЛИЯ. Ладно. Когда пропал? Вчера домой не вернулся?

ЛИЗА. Да. После работы.

ЛИЛИЯ. Может, и слава богу? Вот же ж урод. Может, вам без него и лучше?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Вот тебе и беспристрастный страж закона. Стражиха.

ЛИЛИЯ. С вами все в порядке? Вы побледнели как-то.

ЛИЗА. Да живот побаливает.

ЛИЛИЯ (*закуривая айкос*). К врачу ходите. Мало ли что. Я вот одного не могу понять, почему у нас до сих пор нет закона о домашнем насилии. Об иногентах есть, о насилии — нет. А мне почему-то кажется, что у нас иностранных агентов все-таки меньше, чем насилия домашнего. Вот нас вызывают, мы приезжаем, там Иван Петрович колотит свою жену как грушу, мы говорим — Иван Петрович, ну так нельзя, не по-христиански. Мы максимум, максимум, что можем сделать — это его в отделение на двенадцать часов забрать. Чтоб Иван Петрович в себя пришел. А потом он обратно возвращается, злой как собака, после двенадцати часов в обезьяннике, и я не знаю, что он там со своей женой делает. Потом снова вызов, мы снова — ну не делайте так больше, пожалуйста, Иван Петрович. А потом он берет и до смерти свою жену забивает. И мы выезжаем уже на труп смотреть. И головы чешем, надо же как внезапно, такая неожиданность, ну кто бы мог догадаться, кто бы мог представить, что этим все закончится. Я просто не понимаю, почему закона нет. Запретительных ордеров нет. Я хочу, чтобы сейчас на свадьбах говорили: согласны ли вы вступить с этим человеком в брак, отдаете ли вы себе отчет, что перед вами стоит тот, кто статистически наиболее вероятно вас убьет?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Ну в этом есть что-то.

ЛИЛИЯ. А самое ужасное, знаете что, Лиза?

ЛИЗА. Что?

ЛИЛИЯ. Вы об этом в подкасте своем расскажите. Самое ужасное то, что у нас женщины если сидят за убийства, то в 99 случаях из ста, они убивают мужей, которые их годами били. Они поняли, что их никто не защитит, что государству на них насрать, обществу на них насрать, и когда у них уже шарик за ролик уехал, а если тебя бьют годами, то у тебя что угодно и куда угодно уедет, они берут и сами себя защищают. Потому что больше некому. И сидят потом в тюрьме. Может, и хорошо, что ваш Петр пропал. А то так, вернется, продолжит бить и вы его убьете в какой-то момент. Его мне не жалко, собаке — собачья смерть.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Прекрасно.

ЛИЛИЯ. Мне вас будет жалко, что вы в тюрьму из-за этого придурка сядете.

Лиля читает заявление. Пауза

ЛИЛИЯ. Татуировка на шее в виде совы?

ЛИЗА. Да.

ЛИЛИЯ. Большая?

ЛИЗА. Ну, да. Во всю шею.

ЛИЛИЯ. Господи.

ЛИЗА. Мне нравилось.

ЛИЛИЯ. Правда?

ЛИЗА. Правда.

ЛИЛИЯ. Больно делать-то, наверное. Там же место такое нежное.

ЛИЗА. Очень. Петя сознание терял пока делал. Два раза.

ЛИЛИЯ. Мда. Интересные развлечения. Ну ладно, будем искать вашу сову. С такими приметам не спрячешься.

ЛИЗА. Спасибо. Это всё? Я идти могу?

ЛИЛИЯ. Да, мы вам позвоним, если что. И если ваш Петр сам найдется, что скорее всего и произойдет, вы нам немедленно сообщите. Но желаю, чтобы он из вашей жизни исчез навсегда. Всего хорошего.

Лиза уходит. Лиля выкидывает ее заявление в мусорное ведро.

Лиза на улице закуривает айкос.

Призрак Петра. Ты убила человека, Лиза. И теперь пытаешься это скрыть. И если еще вчера ты могла сказать, что ты защищалась, что это самооборона, что ты в панике избавилась от тела, то теперь ты ведёшь себя как настоящая убийца, которая хочет запутать следствие. И ты из этого уже не вылезешь.

Лиза звонит Вадиму.

ЛИЗА. Вадос, привет, а какие на вечер планы? Выпить не хочешь?

Сцена четвертая

Утро. Квартира Лизы и Петра. Вадим и Лиза лежат на кровати. Призрак Петра сидит на краю. Лиза лежит с открытыми глазами, она проснулась полчаса назад. Просыпается Вадим. Оба испытывают интенсивное похмелье.

ЛИЗА. О, боже.

Лиза приподнимает одеяло, смотрит на Вадима, потом на себя.

ЛИЗА. Это что значит?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Это значит, что ты не только убийца, но и шлюха.

ЛИЗА (громко). Молчи!

Пауза.

ВАДИМ (смеется). Молчать ещё или уже можно говорить?

ЛИЗА. Что? А, да, говори.

ВАДИМ. Это значит, что мы вчера напились и переспали. Но это нормально.

ЛИЗА. Да?

ВАДИМ. А почему нет. Мы оба в стрессе. У тебя муж пропал, у меня завтра суд. Напряжение искало выход.

ЛИЗА. И нашло.

Лиза встаёт, одевается.

ВАДИМ. Я шучу, Лиза, секса не было.

ЛИЗА. Слава богу.

ВАДИМ. А ты совсем ничего не помнишь?

ЛИЗА. В конце уже совсем ничего. Я глупостей странных не говорила?

ВАДИМ. Каких?

ЛИЗА. Ни в чем не признавалась?

ВАДИМ. Только в том, что всю жизнь любила только меня. С первого курса.

ЛИЗА. Ну, этого я сказать не могла. Значит нет? Ну, хорошо. Ты тоже одевайся, мама должна заехать. Я ей написала, что мы тут погибаем от похмелья. Ой. Меня стошнит сейчас.

Лиза убегает в ванную. Вадим встаёт, ищет свою одежду, подходит к барной стойке, включает кофемашину. Лиза возвращается, подходит к раковине, умывается.

ВАДИМ. Полегчало?

ЛИЗА. Да, спасибо. Я так пить хочу, просто умираю. Мне, представляешь, снилось, что я на пляже. Подхожу к морю и начинаю его пить.

ВАДИМ (смеётся). Ну, последние три текилы были зря, конечно. А. После них же ещё шампанское было, уже здесь. Да, это сильно.

Лиза достаёт из холодильника две бутылки воды, протягивает одну Вадиму. Вадим смотрит в телефон.

ВАДИМ (читает). Ох. Пишут, что Аню Чудакову признали иностранным агентом. Вчера она покинула Россию.

ЛИЗА. Кошмар. Аня!

ВАДИМ. Да. Не говори. Лиз, слушай, раз мы уж у тебя сегодня, может тогда подкаст запишем? Завтра перед судом не хочу, на нервах буду.

ЛИЗА. Ну, давай, в себя придём немного и можем писать. А что адвокат говорит?

ВАДИМ. Скорее всего штраф. Максимум, условный срок.

Звонок в дверь, Лиза идёт открывать. Заходит Алена у неё в руках пакеты из Макдональдса.

АЛЕНА. Привет жертвам алкоголизма.

ЛИЗА. Мы не жертвы. Мы — survivors.

ВАДИМ. Макдак. Это гениально. Алена, я люблю вас, я всю жизнь любил только вас.

Садятся за стол, разворачивают бургеры, разбирают пакеты.

ЛИЗА. О, господи, кока-кола. О, да. Спасибо, спасибо, спасибо.

Лиза обнимает Алёну и целует в щеку.

ВАДИМ. Чизбургер, ммм, вот это кайф.

Вадим пытается поцеловать Алену с другой стороны, она его останавливает.

АЛЕНА. Размечтался. Не для тебя моя роза цветет. Много выпили вчера?

ВАДИМ. Прилично.

АЛЕНА. Что праздновали?

ЛИЗА. Мы без повода. Напряжение снимали.

АЛЕНА. Ты бы йогой занялась лучше. Напряжение снимает эффективнее, и с утра умирать не приходится.

ВАДИМ. Ну, не знаю. Я один раз сходил, и я там так скрутился в какую-то зюзу, что с утра тоже потом встать не мог.

АЛЕНА. Вадим, не обижайся, но научи дурака молиться, он лоб расшибет. У тебя суд когда?

ВАДИМ. Завтра.

АЛЕНА. Ох. Я знаешь, чего не понимаю? Почему нет никаких митингов? Пикетов? Журналиста судят за слова. Это же караул.

ВАДИМ. Ален, да устали все. Толка нет от этого. А штрафы, 15 суток — гарантировано есть. Сегодня Аню Чудакову, нашу однокурсницу, признали инагентом. Помните ее?

АЛЕНА. Конечно. Кошмар какой. Слушайте, а давай я встану? Молодым страшно. А меня 15 суток не пугают. Я после советской психиатрии вообще ничего не боюсь.

ЛИЗА. Мама, не надо. Лучше возьми нагетсы, что ты не ешь совсем?

АЛЕНА. А я дома поела. Соютму вчера приготовила. Бохтияр из нашего подвальчика такую хорошую баранину достал.

ВАДИМ. А что такое, как вы сказали? Союма?

АЛЕНА. Соютма. Это баранья голяшка, тушенная в овощах. Восемь часов тушила.

ВАДИМ. Лиз, а ты умеешь такое готовить?

ЛИЗА. Я что сумасшедшая что-ли восемь часов готовить?

АЛЕНА. А я, значит, сумасшедшая.

ЛИЗА. Ну не без этого, мам.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Не без этого.

Сцена пятая

Отделение полиции, ОВД “Якиманка”. Кабинет следователя. За столом сидит Лилия. Перед ней на стуле — Лиза.

ЛИЛИЯ. Спасибо, что так быстро подъехали.

ЛИЗА. Я рядом была. Вы нашли что-то?

ЛИЛИЯ. Что-то — это вашего мужа? И да, и нет. А вы к врачу сходили? Выглядите совсем плохо.

ЛИЗА. Нет еще.

ЛИЛИЯ. Зря. Лиза, а вы знали, что Петра уволили в тот день, когда он пропал?

ЛИЗА. Что? Нет, не знала. Как уволили?

ЛИЛИЯ. А вот так. У меня в деливери клабе в службе безопасности знакомые оказались. Менты бывшие. Они рассказали, что его поймали на том, что он деньги у компании воровал. И его на выход попросили. Как раз в тот самый день. Ничего себе совпадение?

ЛИЗА. Как воровал?

ЛИЛИЯ. Вот это меня тоже заинтересовало. Как можно деньги воровать, если ты контент производишь. Схема оказалась простая, он для ютуб-канала делал видео. За три миллиона рублей каждое. Безумие, да? Я видео эти даже

посмотрела, мудацкие, слов нет. Так вот. Видео стоило три миллиона. А подставной подрядчик Петра делал его в реальности за 500 тысяч рублей. А счет вашему Пете выставлял на три миллиона. Разницу делили между собой. И так целый год. Там сумма космическая получилась.

ЛИЗА. О, господи.

ЛИЛИЯ. Ну, а что удивляться? Парень с татуировкой совы на шее. Чего от него ждать-то? Жену бьет, деньги ворует. А ролики вы эти видели? Это что-то.

ЛИЗА. Какие-то видела.

ЛИЛИЯ. Мы с эсбешниками смотрели, я чуть не умерла. На день космонавтики — "Внутренний космос курьера". Видели? Я вам покажу сейчас, это смотреть надо.

Лиля включает видео на телефоне.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Сегодня мы хотим напомнить, что каждый курьер — это, в первую очередь, человек. А внутри каждого человека — космос.

Играет эпическая музыка. Лиля останавливает видео.

ЛИЛИЯ. Философски. Глубоко! И это за три миллиона рублей! Дайте мне три миллиона рублей, я сниму новое Криминальное Чтиво. А они что творят? Что ваш Петр курит, что ему в голову такое творчество приходит? Они там больные что-ли все? Они знаете, как себя называют? Отдел свой?

ЛИЗА. Счастье курьеров.

ЛИЛИЯ. Счастье, блядь, курьеров! Извините, Елизавета Хосеевна, за мат. Они бы лучше курьерам все эти миллионы просто на улице раздали. Было бы им счастье. Нет, они ролики снимают. И деньги воруют. И с деньгами убегают.

ЛИЗА. Убегают?

ЛИЛИЯ. Да, Лиза, я думаю, что ваш Петр просто сбежал с деньгами. Испугался, что на него дело заведут. И таинственно исчез.

ЛИЗА. Но он бы мне что-то сказал.

ЛИЛИЯ. Да я вас умоляю. Лиза, не стал бы он вам ничего говорить. Я вам честно скажу, я не буду вашего Петра искать. Глухая история. Это не исчезновение человека. Это вор бежит от наказания.

ЛИЗА. Но, а дело? Если дело заведут, его же в розыск объявят?

ЛИЛИЯ. Не. Эсбэшники говорят, не будут подавать заявление. Репутация компании дороже.

ЛИЗА. Как так? То есть, он украл деньги, а искать его не будут?

ЛИЛИЯ. Не будут, Лиза. И я не буду. У нас есть дела поважнее. Настоящие преступления.

Лиля встает, открывает дверь, заходит пожилая женщина.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Можно?

ЛИЛИЯ. О, господи, опять вы. Ну, заходите. (*Лизе*). Мы с вами закончили, Лиза. Я вообще считаю, что вам повезло. Женщины годами не могут уйти от насильников, а ваш — сам исчез. Благодарите бога.

Пожилая женщина смотрит на Лизу.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Девушка, так вы получается, свободны?

ЛИЛИЯ. Уймись.

Лиза уходит.

Сцена шестая

Квартира Лизы и Пети. Лиза сходила к врачу и к своему большому удивлению узнала, что она беременна. Срок еще совсем маленький. Лиза в шоке от этой новости. Лиза и призрак Петра играют в пинг-понг.

ЛИЗА. Так странно всё получается. Мне как будто сам бог помогает.

Лиза забивает мяч. Призрак Петра наклоняется, чтобы его поднять.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Один-ноль. Тебе не бог помогает, а дьявол. Это что ещё за бог, который помогает убийцам.

ЛИЗА. Не знаю. Может, древнегреческий. Но правда странно. Так легко. Как по нотам. Это неправильно как-то. Кого-то за репост в соцсетях в тюрьму сажают, а ты пропал и это никого даже не волнует. Так же быть не должно.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Не должно, конечно. И ты сама знаешь, что жить с этим не сможешь. С тем, что ты меня убила. С тем, что ты отца своего ребенка убила. Труп сожгла. Всех обманула. Так не бывает. Будет расплата.

Призрак Петра забивает. Лиза уходит за мячом. Возвращается.

ЛИЗА. Один-один. Петь. А зачем ты деньги украл?

ПРИЗРАК ПЕТРА. А ты думаешь, мы чемоданы твои на мою зарплату покупали? И картины Пепперштейна? На красивую жизнь нужны деньги, Лиза. А на красивую жизнь в Москве — нужны бешеные деньги.

ЛИЗА. Так может, это твоя расплата? Ты меня бил, ты деньги украл, и вот я тебя случайно убила. Это может, тоже рука бога?

Лиза забивает Призраку Петра.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Два один. Это не рука бога, это рука твоя и рука следователя Лилии Петренко. Мужиков ненавидит и не хочет делать свою работу. Но ты должна ее заставить. Ты должна сама во всем признаться.

ЛИЛИЯ. Почему я должна?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Потому что убийца должен быть наказан. Потому что я хочу возмездия. Потому что моя жизнь тоже была важна.

ЛИЛИЯ. Потому что внутри каждого человека — космос?

Лиза забивает.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Три-один. Потому что внутри каждого человека — космос

Петр забивает Лизе

ПРИЗРАК ПЕТРА. Три-два. Потому что тебе это с рук не сойдет.

Петр снова забивает Лизе

ПРИЗРАК ПЕТРА. Три-три. Потому что вокруг тебя начнут страдать люди.

ЛИЗА. Это ты что имеешь в виду?

ПРИЗРАК ПЕТРА. А то Лиза. За всё в этой жизни приходится платить.

ЛИЗА. Это угроза? А что ты можешь сделать, Петя, ты же умер. Ты меня бил, и ты за это заплатил. Ты умер. Всё, Петя. всё!

Призрак Петра еще раз забивает. Лиза наклоняется за мячиком.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Четыре-три. Победа. Нет, душа моя, не всё. Скоро увидишь, что я могу сделать, Лиза. Скоро ты всё увидишь.

Действие второе
Сцена первая

Квартира Лизы и Петра. До суда над Вадимом остается несколько часов. Лиза и Алёна готовятся к перформансу. На столе множество толстых веревок и кляп.

АЛЕНА. Как себя чувствуешь? Не тошнит?

ЛИЗА. Немного. Mam, ты представляешь, Вадик сказал, что будет с ребенком помогать. Чтобы я ни о чем вообще не переживала.

АЛЕНА. Представляю. Вадим, вообще, мужик нормальный. Настоящий. Почему ты Петю выбрала, я понять не могу.

ЛИЗА. Потому что полюбила.

АЛЕНА. А надо было взять и другого полюбить.

Алена протягивает Лизе распечатанные листы бумаги.

АЛЕНА. Посмотри схему. Так связывают для шибари. Надо, чтобы красиво было. А то это искусство или где? *(Смеется)*

ЛИЗА. Так красиво у меня не получится.

Смотрит на схемы, берет веревку, садится на корточки.

АЛЕНА. Делай, как получится. Нет, Лиза, зачем ноги. Ноги потом. У суда уже, в машине свяжем. Я как пойду-то по-твоему? Начинать сверху. И иди вниз.

ЛИЗА. Да, точно, извини.

АЛЕНА. Слушай, а что ты все время извиняешься? У тебя какая-то психология жертвы. Надо с этим что-то делать.

Лиза начинает обматывать веревки вокруг корпуса.

ЛИЗА. Mam, слушай, вообще это безумие какое-то.

АЛЕНА. Это не безумие, это моя позиция как гражданина и художника. Это раз. Я тебе помогала и с более безумными эээ проектами. Это два.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Это точно.

ЛИЗА. Mam. Я думаю. Знаешь, что. Может быть, мне во всем признаться?

Лиза связывает руки Алены за спиной.

АЛЕНА. Как признаться? Ты с ума сошла?

ЛИЗА. Да я не могу так больше. Мне Петя везде мерещится. Я с ума сойду. А так. Ну это же самооборона. И я беременная женщина. Это же тоже повлияет. Смягчит наказание. Меня же беременную не посадят.

АЛЕНА. Наши-то? Посадят как миленькую. Тебе делать больше нечего?

ЛИЗА. Но это неправильно всё, не по-человечески.

АЛЕНА. А избивать тебя — это по-человечески было? Хочешь быть жертвой, пожалуйста. Но я за соучастие в тюрьму не хочу.

ЛИЗА. Ты сейчас собираешься у здания суда лежать связанная, с кляпом во рту. 15 суток в тюрьме тебе уже обеспечены.

АЛЕНА. Лиза, 15 суток! 15 суток — это одно. Это для карьеры художника всегда полезно. Это пиар, это уважение в обществе. А я тебе напомним, что мы труп сожгли в прямом эфире! Нам по 15 лет строгача дадут как особо опасным! Без права на УДО.

ПРИЗРАК ПЕТРА. И правильно сделают.

ЛИЗА. Замолчи!

АЛЕНА. Не буду я молчать. Еще чего? Кто-то тебя должен в чувство привести.

Лиза заканчивает связывать, смотрит на схемы, сравнивает результат.

ЛИЗА. Ну вроде красиво получилось.

Алена подходит к зеркалу.

АЛЕНА. Красиво это, конечно, громко сказано, но сойдет. Кто сказал, что искусство должно быть красивым? Это прошлый век. Искусство должно вызывать немного отвращения!

Лиза собирает оставшиеся веревки, кляп, открывает дверь и они с Алёной уходят.

Сцена вторая

Вечер. Квартира Лизы и Пети. На улице идет дождь, в большое панорамное окно студии бьется ветка от дерева. Раздается звонок в дверь.

ЛИЗА. Кто там?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Сюрприз.

ЛИЗА. Ты же просто так появляешься, зачем через дверь?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Скучно. Прикалываюсь.

ЛИЗА. Очень смешно.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Ну, не то чтобы очень, но поржать можно.

ЛИЗА. Петь.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Что такое?

Лиза начинает плакать, но берет себя в руки.

ЛИЗА. Вадика на пять лет посадили. За идиотский твит. Дали пять лет колонии.

ПРИЗРАК ПЕТРА. А я уж понадеялся, что это слезы раскаяния. Боль об утрате любимого мужа. Черная рана в душе от преступления красной черты. Болезненные муки совести. А нет. Не пронять нашу Лизу. Вот что значит настоящий маньяк. Про Вадика я в курсе.

ЛИЗА. И маме не 15 суток дали. А уголовное дело завели. За акцию протеста! За перформанс! Она в СИЗО. Предъявляют экстремизм. И за смерть капитализма взялись. Экспертиза проводится. Разжигание ненависти подозревают. К людям, у которых есть деньги. Бред какой-то.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Ну, что, дорогая. Я тебя предупреждал. Два ноль, Лизавета. В мою пользу.

Пауза.

ЛИЗА. Чего ты от меня хочешь?

ПРИЗРАК ПЕТРА. Признавайся в убийстве, это шах и мат.

ЛИЗА. И что? Их выпустят? Маму отпустят? И Вадима.

ПРИЗРАК ПЕТРА. Нет. Их уже никуда не выпустят. Они настоящие преступники. Пусть сидят в тюрьме.

ЛИЗА. А что мне тогда терять? У меня больше нет никого.

Призрак Петра смотрит на лизин живот. Подходит и прикладывает к нему ухо.

ЛИЗА. Нет, Петя. Это же и твой ребенок тоже. Ты ничего с ним не сделаешь.

ПРИЗРАК ПЕТРА. А я не хотел детей никогда, ты же знаешь.

ЛИЗА. Зачем ты это делаешь? Почему ты меня так ненавидишь?

ПРИЗРАК ПЕТРА. А я в лимбе, понимаешь. Застрял тут. Пока ты наказание не понесешь за мою смерть, пока я не буду отмщен, я тут так и буду торчать. Я всё сделаю, чтобы ты признала свою вину.

ЛИЗА. Но не ребенка же!

ПРИЗРАК ПЕТРА. Но технически это еще даже не ребенок. Еще аборт можно делать. Так что не надо обвинять меня в убийстве. Аборт — это не убийство. Это же ваша главная женская правозащитная мысль. Аборт — это не преступление!

ЛИЗА. Какой же ты козел.

ПРИЗРАК ПЕТРА. А вот удар ножом, повлекший за собой смерть — это и есть самое настоящее преступление. Знаешь, как называется? Слово из

восьми букв. Первая у, последняя о. Убийца здесь только один. И это не я. Я вообще умер. Бугога.

Сцена третья

ОВД “Якиманка”. Поздний вечер. Лилия сидит на полу на корточках. Перед ней несколько больших горшков, пакеты с землей, лопатка, керамзит. Она пересаживает цветы. В кабинет заходит Лиза.

ЛИЗА. Я хочу признаться в убийстве.

ЛИЛИЯ. Здравствуйте, Лиза. У меня рабочий день уже закончен. Я, тут, видите, уже другими делами занимаюсь.

ЛИЗА. Вы что не понимаете? Я признаюсь в убийстве! Я убила своего мужа, Петра Кулешова 1986 года рождения! Я его зарезала ножом, я его труп сожгла!

ЛИЛИЯ. Вы присядьте, Лиза, пожалуйста. И не нервничайте так. Выглядите пугающе. Воды может?

ЛИЗА. Арестуйте меня! Наденьте на меня наручники!

Лилия поднимается с корточек и орет.

ЛИЛИЯ. Вы успокойтесь или нет? Сядьте!

Лиза садится за стол. Лилия подходит к ней и гладит по голове.

ЛИЛИЯ. Дышите. Глубокий вдох. Глубоких выдох.

Лиза дышит.

ЛИЛИЯ. Вот. Умница. Хорошо. Я слышала, вашего друга посадили. Пять лет. Лихо! Я же говорила, что зря он власть оскорбляет. Это сегодня тяжелое, настоящее преступление. И женщину эту посадили, художницу, которая у здания суда протестовала. И тоже уголовка. Вот это времена.

ЛИЗА. Это моя мама.

ЛИЛИЯ. Кто?

ЛИЗА. Художница, которую посадили.

ЛИЛИЯ. Да вы что?

ЛИЗА. Да. Художница Алена Тэд. Тимофей. Эдуард. Дмитрий.

ЛИЛИЯ. Ничего себе. Ну, понятно. Лиза, у вас же самый настоящий нервный срыв. Давайте еще подышим. Вдох. Выдох. Вы никого не убивали. Вам просто тяжело. Вас длительно избивал ваш муж. Потом он пропал. Потому выяснилось, что он вор. Потом посадили вашего друга и вашу маму. Тут любой с катушек съедет.

ЛИЗА. Вы не понимаете, Лилия Георгиевна! Я не съехала с катушек. Я убийца. Мне надо в тюрьму. Мне ради ребенка надо в тюрьму.

ЛИЛИЯ. Ради какого ребенка?

ЛИЗА. Я беременна.

ЛИЛИЯ. Вы еще и беременны. Господи. Так. Милая. Идите домой. Выпейте валерьянки и ложитесь спать. Или давайте я вам врача вызову.

Призрак Петра подходит к пакетам земель, и начинает их открывать.

ЛИЗА. Мне не надо врача вызывать, меня надо в тюрьму посадить! Иначе он убьет ребенка, вы не понимаете.

ЛИЛИЯ. Кто убьет ребенка?

ЛИЗА. Петя.

ЛИЛИЯ. Вы что, боитесь, что он вернется? И что-то с вами сделает? Да, конечно. Как я сразу не догадалась. Черт возьми, а я ведь ничего сделать не могу! Охранных ордеров нет! Ничего нет! Если он вернется, я ничем помочь не смогу! Если он в квартире прописан, он может вернуться в любой момент. Лиза, бедная моя девочка, я не знаю, как вам помочь. Закона нет. Ничего нет.

Петр высыпает землю из пакетов на пол. Один за другим. На полу постепенно появляется прямоугольник из земли.

ЛИЗА. Вы меня что, не слышите? Я его убила! Я его зарезала ножом. В тот день, когда он исчез, он ударил меня несколько раз в живот, я испугалась, что он меня вообще убьет, я стояла с ножом, я обрезала цветы, я не хотела, я правда не хотела, оно само всё произошло, как вспышка, я не помню ничего, и раз! И такое помутнение, и вот он уже на полу, мертвый. А я с ножом в руках сижу на полу. И все в крови кругом. Крови столько. Реки крови, реки крови кругом.

ЛИЛИЯ. Да что вы несете?

ЛИЗА. Я его сожгла в чемоданах Луи Виттон.

Лилия хватается за голову и начинает ходить по кабинету.

ЛИЛИЯ. Так. Вы понимаете, что вы звучите, как сумасшедшая?

ЛИЗА. Да нет же. Это записано, видео есть в интернете, это был прямой эфир.

ЛИЛИЯ. Вы в прямом эфире сожгли труп и никто не обратился в полицию?

ЛИЗА. Ну, это непонятно было. Это был перформанс. Смерть капитализма.

ЛИЛИЯ. Ага. И что труп? Сгорел?

ЛИЗА. Да. Дотла.

ЛИЛИЯ. И зачем вы признаетесь тогда в убийстве?

ЛИЗА. Вы мне что, верите наконец?

ЛИЛИЯ. Верю, да, конечно.

ЛИЗА. Я боюсь, что Петр убьет ребенка.

ЛИЛИЯ. Но вы же говорите, что убили Петра.

ЛИЗА. Ну, не сам Петр. Его дух. Его энергия. Не знаю, как сказать, чтобы не прозвучать безумно.

Призрак Петра ложится в прямоугольник из земли. И начинает засыпать себя землей и керамзитом.

ЛИЛИЯ (орет): Лиза, вы и так звучите безумно! У вас психоз! Острый! Истерический! Психоз! На фоне беременности и страха за свою жизнь. Я вам скорую вызываю психиатрическую!

ЛИЗА. Только не психиатрическую. Мне мама столько ужасов рассказывала про психиатрическую больницу.

ЛИЛИЯ. А она лежала, да?

ЛИЗА. Да, ее в молодости положили. Советские власти не понимали ее искусство.

ЛИЛИЯ. Ну это многое объясняет. Может, наследственный фактор.

ЛИЗА. Да нет же... Вы мне не верите... *(плачет)*

ЛИЛИЯ. Слушайте, Лиза, меня внимательно. Прекратите свою истерику. Если вам станет легче, то даже если бы вы и правда убили своего мужа-абыюзера, я бы ваше признание все равно не приняла. Во-первых, я уже сказала, у меня рабочий день окончен. Во-вторых, нету тела — нету дела. В народе же как про полицию говорят, шутка даже есть такая “Вот когда убьют, тогда и вызывайте”. А это не полиция такая. Это законы такие. Я что сделать могу? А ничего. Всё, что я могу — это ваше заявление сейчас не принять. Поэтому если вы мне говорите, что убили мужа, который вас бил, я вам говорю — я вас поздравляю! Избавились от тела — великолепно! Это не убийство. Это самооборона. Это самосохранение.

ЛИЗА. Я не понимаю ничего, Лилия Георгиевна, это что тогда такое получается? Если я напишу идиотский пост, который кого-то оскорбит, то я сяду в тюрьму, а если человека убью, то нет?

ЛИЛИЯ. Получается, что так.

ЛИЗА. Но это же неправильно.

ЛИЛИЯ. Это не мы такие. Это жизнь такая.

ЛИЗА (орет). Я УБИЛА ЧЕЛОВЕКА.

ЛИЛИЯ (орет). УХОДИТЕ ОТСЮДА.

Сцена четвертая

Квартира Лизы. Лиза в больших наушниках сидит за столом. Перед ней с одной стороны ноутбук, с другой — студийный микрофон.

ЛИЗА. Всем привет! В эфире новый выпуск подкаста “Трукрайм”. К сожалению, как многие из вас знают, мой соведущий Вадим Баранов сейчас находится в заключении. Его посадили по абсурдной статье. Его обвиняют в оскорблении Российской Федерации. Я не считаю, что это настоящее преступление, за которое сидят в тюрьме. Настоящие преступники — это маньяки, убийцы и воры. Поэтому я прошу слушать внимательно. Сегодня мы приведем подкаст в соответствие его названию. Сегодня я в прямом эфире собираюсь оскорблять Российскую Федерацию. Я повторяю для тех, кто не понял или не услышал. Прямо здесь и прямо сейчас я буду всеми доступными мне способами оскорблять Российскую Федерацию....

Лиза улыбается

Конец